ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

УДК 342.76

Языкеев Сергей Николаевич,
судья Саратовского областного суда
sergei_bgs@mail.ru

Специфика ограничений прав и свобод человека для обеспечения национальной безопасности в условиях военного положения и при проведении контртеррористических операций

Аннотация. В статье анализируется специфика ограничений прав и свобод человека для обеспечения национальной безопасности в условиях военного положения и при проведении контртеррористических операций. Автором отмечается, что в условиях военного положения и контртеррористической операции ограничению подлежат определенные в законе личные, политические, социально-экономические и даже культурные конституционные права человека. При этом реализация некоторых из них может быть полностью запрещена. Были выявлены противоречия в действующем законодательстве РФ и предложены научно обоснованные рекомендации по их устранению.

Ключевые слова: ограничения прав человека; национальная безопасность; военное положение; противодействие терроризму; контртеррористическая операция.

Sergey N. Yazykeev,
judge of the Saratov Regional Court

Specifics of restrictions on human rights and freedoms to ensure national security under martial law and during counter-terrorism operations

Abstract. The current paper has presented the analysis of the specifics of restrictions on human rights and freedoms to enforce national security under martial law and during counter-terrorism operations. There has been noted that in conditions of martial law and counter-terrorism operations, personal, political, socio-economic, and even cultural constitutional human rights defined in the law are subject to restrictions. However, the implementation of some of

them may be completely prohibited. There have been identified contradictions in the current legislation of the Russian Federation and proposed scientifically based recommendations for their elimination.

Keywords: restrictions on human rights; national security; martial law; countering terrorism; counter-terrorism operation.

Военное положение, в отличие, например, от чрезвычайного положения, не закреплено в отдельной статье Конституции РФ. Оно упоминается в ст. 87 в контексте полномочий Президента РФ как Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами РФ и подробно регулируется Федеральным конституционным законом от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении». К условиям военного положения, очевидно, не применяются положения ч. 3 ст. 56 Конституции РФ о правах и свободах, не подлежащих ограничению. Согласно п. 4 ст. 1 Федерального конституционного закона «О военном положении» права и свободы человека могут ограничиваться «в той мере, в какой это необходимо для обеспечения обороны страны и безопасности государства». Как видно из приведенной нормы, одним из ключевых оснований ограничения прав и свобод человека в условиях военного положения является безопасность государства.

В силу ст. 7 Федерального конституционного закона «О военном положении» в условиях военного положения на основании указов Президента РФ могут быть ограничены следующие права и свободы:

— право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства, право свободно выезжать за пределы Российской Федерации и беспрепятственно возвращаться в Российскую Федерацию (для граждан России). В условиях военного положения на территорию, где оно введено, ограничивается въезд, равно как и выезд с нее. Кроме того, на самой такой территории ограничиваются свобода передвижения, выбор места пребывания или места жительства. При этом выбирать место пребывания и жительства может быть полностью запрещено. В условиях военного положения может вводиться запрет на нахождение на улице в определенное время, налагаются ограничения на движение транспорта. Ограничивается или запрещается также выезд за пределы Российской Федерации;

— право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию. В условиях военного положения конституционные нормы, связанные с информацией, существенно корректируются: вводится военная цензура, создаются органы цензуры; согласно Федеральному конституционному закону «О военном положении» осуществляется контроль «за работой объектов, обеспечивающих функционирование транспорта, коммуникаций и связи, за работой типографий, вычислительных центров и автоматизированных

систем, средств массовой информации», запрещаются приемопередающие радиостанции индивидуального пользования. Вследствие указанных мероприятий автоматически ограничиваются права граждан на получение и передачу информации официальным путем, на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений и, как результат, право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. В то же время можно говорить о том, что в строгом смысле право искать информацию, а также получать, передавать и даже распространять ее частным образом не ограничивается прямо;

— право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме. В условиях военного положения, как и при чрезвычайном положении, выборы всех уровней и референдумы не проводятся. Иными словами, избирательные права граждан в рамках военного положения ограничиваются, отмененными их считать нельзя;

— право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование. Законодательно предусмотрено ограничение указанного права в условиях военного положения вплоть до полного запрета;

— право на объединение. Во время военного положения Федеральным конституционным законом «О военном положении» предусмотрено «приостановление деятельности политических партий, других общественных объединений, религиозных объединений». Однако данное ограничение не носит тотальный характер. Ограничительные меры, выражающиеся в приостановлении деятельности, касаются только тех объединений, деятельность которых направлена на подрыв обороны страны и безопасности государства, что представляется вполне оправданным;

— право на забастовку. Данное право в условиях военного положения прямо запрещается, равно как и любое иное приостановление деятельности организаций.

Помимо перечисленных мер, применяемых в условиях военного положения, существуют изложенные в ст. 8 Федерального конституционного закона «О военном положении» так называемые «иные меры», которые устанавливаются федеральными законами и иными нормативными правовыми актами. В рамках исследуемой проблемы среди этих мер следует выделить те из них, которые влекут за собой временные ограничения прав и свобод граждан. Согласно законодательству к таковым относятся:

1) ограничения на осуществление экономической и финансовой деятельности, оборот имущества, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств. Указанная мера непосредственно влечет за собой ограничение конституционного права на свободное использование своих

способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности;

2) ограничения на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации. Как уже говорилось, определенные конституционные информационные права человека фактически ограничиваются в ст. 7 Федерального конституционного закона «О военном положении» путем введения цензуры и контроля за средствами массовой информации, но оставляют возможность реализовывать некоторые из них частным образом. В связи с этим рассматриваемая норма ст. 8 Закона представляется более конкретной, поскольку воспроизводит подлежащее временному ограничению право в непосредственном соответствии Конституции РФ.

Вводящие «иные меры» федеральные законы и иные нормативные правовые акты, предусматривающие временное ограничение прав и свобод человека, в соответствии с п. 2 ст. 8 Федерального конституционного закона «О военном положении» могут приниматься не только в ситуации военного положения, но и до его введения. Таким образом, получается, что в информационной сфере еще до введения военного положения могут действовать более жесткие меры, чем собственно в условиях введения данного особого режима. С учетом колоссального значения информационной войны как элемента военного противостояния представляется целесообразным дополнить п. 2 ст. 7 Федерального конституционного закона «О военном положении» подпунктом, в котором было бы закреплено временное ограничение информационных прав человека в их конституционной формулировке.

Впервые на практике военное положение было введено Указом Президента РФ от 19 октября 2022 г. № 756 на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей.

Контртеррористическая операция, безусловно, представляет собой один из особых правовых режимов. Однако, в отличие от чрезвычайного и военного положения, данный режим не закреплен в Конституции РФ и регулируется Федеральным законом от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Данный факт дает некоторым исследователям основание отрицать принадлежность контртеррористической операции к особым правовым режимам [1]. Как представляется, ближе к истине те ученые, которые все же относят контртеррористическую операцию к особым правовым режимам [2], поскольку, во-первых, террористическая угроза по своему значению и потенциальным негативным последствиям ничуть не менее опасна и является в силу п. «а» ст. 3 Федерального конституционного закона от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» одним из оснований для введения чрезвычайного положения, а в условиях военного положения согласно подп. 4 п. 2 Федерального конституционного закона «О военном положении» одной из задач

Вооруженных Сил РФ и иных войск является пресечение террористической деятельности; во-вторых, главной целью контртеррористической операции является обеспечение национальной безопасности; в-третьих, для достижения этой цели подлежат временному ограничению некоторые основные права и свободы человека и гражданина (по справедливому замечанию исследователей, «возможное ограничение прав и свобод граждан выступает основным характеризующим признаком правового режима контртеррористической операции, является вынужденным, но объективно обусловленным средством обеспечения безопасности личности, общества и государства» [3]).

Правовому режиму контртеррористической операции посвящена ст. 11 Федерального закона «О противодействии терроризму», в которой в том числе определены меры, ограничивающие основные права человека и гражданина. К ним относятся:

1) ведение контроля телефонных переговоров и иной информации, передаваемой по каналам телекоммуникационных систем, а также осуществление поиска на каналах электрической связи и в почтовых отправлениях в целях выявления информации об обстоятельствах совершения террористического акта, о лицах, его подготовивших и совершивших, и в целях предупреждения совершения других террористических актов». В процессе реализации данной меры естественным образом ограничивается конституционное право человека «на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений». Как справедливо отмечают исследователи, данная норма вступает в прямое противоречие с ч. 2 ст. 23 Конституции РФ, где «ограничение данного права допускается только на основании судебного решения, а, следовательно, и в отношении конкретного лица» [4, стр. 204];

2) приостановление оказания услуг связи юридическим и физическим лицам или ограничение использования сетей связи и средств связи;

3) ограничение движения транспортных средств и пешеходов на улицах, дорогах, отдельных участках местности и объектах;

4) беспрепятственное проникновение лиц, проводящих контртеррористическую операцию, в жилые и иные принадлежащие физическим лицам помещения и на принадлежащие им земельные участки для осуществления мероприятий по борьбе с терроризмом.

В научной литературе встречается мнение, согласно которому «Федеральный закон “О противодействии терроризму”… фактически упраздняет в России судебную защиту неприкосновенности жилища» [5, стр. 157]. Очевидно, здесь имеется в виду тот факт, что проникновение в жилище в данном случае не требует судебного решения. Однако с этой точки зрения ограничение права на неприкосновенность жилища присуще не только Федеральному закону «О противодействии терроризму». Подобные ограничения предусмотрены для устранения угрозы безопасности личности, общества и государства по отдельности и в

совокупности в Федеральных законах от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране», от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности», от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» и др. Кроме того, указанные ограничения не противоречат ст. 25 Конституции РФ, в которой проникновение в жилище против воли проживающих в нем лиц допускается не только на основании судебного решения, но и в соответствии с федеральным законом;

5) ограничение или приостановление частной детективной и охранной деятельности.

Таким образом, меры, принимаемые в ходе контртеррористической операции в контексте ограничения прав и свобод человека и гражданина не представляются слишком объемными и тем более избыточными. По сравнению с особыми правовыми режимами чрезвычайного и военного положения набор специальных мер не так широк. Кроме того, согласно закону на территории, на которой проводится контртеррористическая операция, не обязательно реализуется весь комплекс временных ограничений, могут применяться лишь некоторые из них. В то же время ограничение права на тайну переписки без судебного решения противоречит Конституции РФ.

Особо оговариваются в законодательстве преступления, для пресечения и раскрытия которых вводится правовой режим контртеррористической операции. К таким преступлениям относятся захват заложника; угон воздушного или водного судна (если это преступление сопряжено с террористическими целями); посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля; насильственный захват или удержание власти; вооруженный мятеж; нападение на лиц или учреждения, пользующиеся международной защитой.

Особый правовой режим, связанный с противодействием терроризму, может иметь специфический характер. Это относится к захвату воздушного или водного судна, а также к борьбе с международным терроризмом за пределами Российской Федерации.

Контртеррористическая операция в Сирии стала ярким примером обеспечения национальной безопасности за пределами России, однако говорить о ней подробно в рамках настоящего исследования представляется нецелесообразным, поскольку в целом она не предполагала ограничений прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации.

Что касается контртеррористической операции, связанной с противодействием террористам, действующим с использованием воздушного или водного судна, то о таком особом режиме следует сказать подробнее, поскольку здесь речь прежде всего идет о ключевом праве человека — праве на жизнь.

В соответствии со ст. 7 и 8 Федерального закона «О противодействии терроризму» в случае, если все обусловленные законом меры по

пресечению террористического акта исчерпаны и существует реальная угроза гибели людей или наступления экологической катастрофы, Вооруженные Силы РФ вправе уничтожить воздушное или водное судно. Данное законодательное положение однозначно подразумевает, что наличие на указанных судах экипажа и пассажиров, являющихся жертвами террористов, в расчет не берется. Иными словами, в указанном случае экипаж и пассажиры подлежат уничтожению вместе с террористами. Следует подчеркнуть, что в данной сфере борьбы с терроризмом отечественное законодательство не является уникальным: подобные правовые нормы и практика существуют и в других государствах мира. Однако, как отмечает В. Г. Романовский, «в европейских странах правовая основа крайней формы противодействия терроризму в воздушном пространстве… строится на принципе “умолчания”» [6, стр. 80]. Среди российских правоведов данный вопрос стал предметом дискуссий.

Прежде чем перейти к содержательной стороне обсуждений правомерности уничтожения захваченного судна вместе с экипажем и заложниками, следует ответить на один терминологический вопрос. В отечественной юридической науке применительно к рассматриваемому юридическому факту применяется понятие «ограничение права на жизнь» [7], основанное на норме ч. 3 ст. 56 Конституции РФ. Вопреки устоявшейся традиции такого словоупотребления целесообразным представляется полный отказ от него, в том числе на конституционном уровне, поскольку ограничить право на жизнь невозможно; это основополагающее естественное право, принадлежащее каждому от рождения, можно только аннулировать или, другими словами, лишить человека этого права путем причинения смерти. Вне зависимости от религии или мировоззрения жизнь как физическое существование человека прекращается со смертью. Если подходить к проблеме с атеистических позиций, смерть влечет полное исчезновение человека; если рассматривать вопрос с точки зрения реинкарнации, то человек как личность все равно теряет прежнее естество; в христианстве и исламе смерть также заканчивает земное человеческое бытие и т.д. По справедливому замечанию российских ученых, «право на жизнь нельзя ограничить, оно абсолютно. Можно лишь предусмотреть случаи, в которых человек может быть правомерно лишен жизни» [8].

В условиях контртеррористической операции речь идет о двух аспектах: право на жизнь террористов и право на жизнь людей, которые оказались вовлеченными в процессы, сопутствующие террористическому акту, но не имеющие отношения к ним в качестве пособников. О праве террористов на жизнь интересно высказался председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин, указав на парадокс, когда террориста нельзя казнить из-за действующего в России моратория на смертную казнь, но можно уничтожить в ходе контртеррористической операции [9]. Как представляется, здесь нет никакого парадокса, поскольку предотвращение

террористического акта подразумевает в качестве крайней меры уничтожение террориста, точно так же, как на войне в боестолкновении уничтожается враг, во время совершения преступления сопротивляющийся вооруженный преступник, нападающее на пост лицо [см. Устав гарнизонной и караульной служб, утвержденный Указом Президента РФ от 10 ноября 2007 г. № 1495] и т.д.

Согласно Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. лишение жизни не рассматривается как нарушение права на жизнь, «когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы». В качестве основания для применения силы в Конвенции указываются защита лица от противоправного насилия; законное задержание или предотвращение побега заключенного под стражу; подавление бунта или мятежа. Применительно к контртеррористической операции можно считать достаточным основанием для уничтожения террориста защиту лица от насилия, т.е. обеспечение безопасности личности. В связи со сказанным нормы Федерального закона «О противодействии терроризму» в отношении террористов представляются вполне оправданными.

Гораздо сложнее определить искомый учеными баланс безопасности, с одной стороны, и справедливости и свободы [10] — с другой, или безопасности и прав человека [11; 12], когда речь идет о людях, помимо воли вовлеченных в процесс террористического акта (экипаж и пассажиры воздушного или водного судна).

Во многих научных работах авторы на рассматриваемой проблеме не акцентируют внимание: исследователи просто воспроизводят положения законодательного акта, сопровождая их небольшими комментариями, т.е. фактически соглашаются с правомерностью предусмотренной возможности уничтожать в определенных законом обстоятельствах воздушное или водное судно безотносительно к тому, есть ли на этом судне лица, не имеющие отношения к совершению террористического акта в качестве организаторов или пособников и не принадлежащие к террористам [13].

Так, А. А. Смирнов, признавая неоднозначность законодательных норм об уничтожении воздушного или водного судна, предлагает «закрепить требование, согласно которому в случае нахождения на борту воздушного судна экипажа или пассажиров, не являющихся террористами, уничтожение воздушного судна посредством применения боевой техники и оружия допускается в случаях, когда их гибель при продолжении полета в сложившихся обстоятельствах будет неизбежной» [14, стр. 133]. Как представляется, такое предложение носит исключительно формальный характер и призвано наглядно показать гражданам, что уничтожение судна возможно лишь тогда, когда заложники и экипаж, находящиеся на нем, погибнут при любом развитии событий. Однако, во-первых, несмотря на отсутствие данного положения в Федеральном законе «О противодействии терроризму» понятно, что реализация террористами

угрозы гибели людей или экологической катастрофы возможна только с одновременным самоуничтожением, а во-вторых, возможны случайности, благодаря которым кто-то из заложников или членов экипажа может выжить, поэтому неизбежность гибели можно поставить под сомнение (следует отметить, что аргумент о предрешенности судьбы заложников в ситуации с воздушным судном, в частности, был признан недопустимым Федеральным конституционным судом Германии). Кроме того, «всякое ограничение права может допускаться лишь как временная мера» [15, стр. 18], а лишить человека жизни на время невозможно.

Ряду исследователей нормы ст. 7 и 8 Федерального закона «О противодействии терроризму» в части возможности уничтожения воздушного или водного судна с экипажем и пассажирами представляются негуманными и несправедливыми.

Так, О. В. Нардина выступает категорически против законодательно предоставленной Вооруженным Силам РФ возможности принимать решение об уничтожении судна, если на нем, помимо террористов, находятся невинные люди. Ученый вполне аргументированно доказывает, что нормы ст. 7 и 8 Федерального закона «О противодействии терроризму» непосредственно нарушают положения Конституции РФ и принцип справедливости и их необходимо признать неконституционными [16]. Близкой позиции придерживаются и другие правоведы [17].

Как уже отмечалось, основополагающим принципом противодействия терроризму является «обеспечение и защита прав и свобод человека и гражданина». Данное положение, как представляется, затрагивает тех лиц, которые оказались в сфере проводимой операции. При этом «права и свободы одних ограничиваются действиями непосредственно террористов, других же — применением мер и временных ограничений, предусмотренных законодательством» [18, стр. 109]. В целом же, как указано в п. 6 Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации (утвержденной Президентом РФ 5 октября 2009 г.), «общегосударственная система противодействия терроризму… направлена на защиту основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечение национальной безопасности Российской Федерации». Таким образом, можно сделать справедливый вывод, что контртеррористическая деятельность имеет своей главной целью обеспечение безопасности личности, общества и государства. В связи с этим с точки зрения гуманизма и справедливости действительно трудно согласиться с положениями ст. 7 и 8 Федерального закона «О противодействии терроризму», разрешающими уничтожение захваченного или используемого для террористического акта воздушного или водного судна вместе с экипажем и (или) заложниками.

Вместе с тем следует учитывать жизненные реалии, в которых промедление в процессе предотвращения террористического акта с использованием воздушного или водного судна может привести к

колоссальным жертвам. Видимо, из этого исходил законодатель, формулируя положения ст. 7 и 8 Федерального закона «О противодействии терроризму».

Как видно из изложенного, вопрос о правомерности положений ст. 7 и 8 Федерального закона «О противодействии терроризму», касающихся уничтожения воздушных или водных судов, — крайне сложный и противоречивый. Однако, используя конституционную терминологию, которая в разных сферах регулирования вызывает вопросы у ученых [19], можно утверждать, что уничтожение используемого для террористического акта воздушного или водного судна с экипажем и заложниками есть не что иное как отмена права на жизнь, тогда как в силу ч. 2 ст. 55 Конституции РФ законы, отменяющие права и свободы человека и гражданина, в России издаваться не должны. В связи с этим представляется целесообразным исключить из рассматриваемого законодательного акта нормы, допускающие уничтожение воздушных и водных судов с экипажем и (или) заложниками.

В пользу такого решения, как представляется, говорит также необходимость при обеспечении национальной безопасности установления баланса между безопасностью и правами личности или баланса интересов личности, общества и государства. По мнению Д. В. Ирошникова, «Оптимальный баланс интересов личности, общества и государства при обеспечении безопасности как отражения принципа справедливости может установить лишь право… Нужно понимать, что такой баланс интересов реально возможен лишь в правовом государстве, где человек, его права и свободы действительно являются высшей ценностью» [20, стр. 87]. Представляется очевидным, что положения ст. 7 и 8 Федерального закона «О противодействии терроризму» серьезно нарушают этот баланс, считая жизнь конкретного и ни в чем не повинного человека, оказавшегося на захваченном воздушном или водном судне, априори менее ценной, чем жизни других людей и безопасность государства, и это неприемлемый подход.

Еще одним доводом в пользу пересмотра ст. 7 и 8 Федерального закона «О противодействии терроризму» является отсутствие в российском законодательстве легального определения экологической катастрофы, что допускает субъективную трактовку этого понятия при принятии решения об уничтожении водного или воздушного судна.

Как видно из проведенного анализа, в условиях военного положения и контртеррористической операции ограничению подлежат определенные в законе личные, политические, социально-экономические и даже культурные конституционные права человека. При этом некоторые из них могут быть полностью запрещены.

Запрет в рамках военного положения некоторых действий, являющихся способом реализации прав и свобод, нельзя рассматривать как умаление, отмену или нарушение последних, поскольку указанные запреты имеют

временный характер и действуют только в условиях военного положения для обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Однако выявленные противоречия Конституции РФ в законодательном регулировании ограничений прав и свобод человека должны быть устранены. В первую очередь это касается вопроса об уничтожении водного или воздушного судна с экипажем и пассажирами, поскольку, несмотря на употребление в Конституции понятия «ограничение» в отношении права на жизнь, данное фундаментальное право не может быть ограничено, но может быть отменено, что противоречит Конституции РФ.

Литература

1. Хабриева, Т. Я. Современный взгляд на теорию ограничения прав и свобод человека (рецензия на монографию С. В. Пчелинцева «Проблемы ограничения прав и свобод граждан в условиях особых правовых режимов») / Т. Я. Хабриева, Е. Е. Никитина // Журнал российской права. — 2006. — № 8.
2. Рушайло, В. Б. Административно-правовой режим особого положения: понятие и сущность / В. Б. Рушайло // Современное право. — 2004. — № 1.
3. Строков, С. А. Особенности правового режима контртеррористической операции / С. А. Строков, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах. — 2018. — № 1 // СПС КонсультантПлюс.
4. Кумышева, М. К. Ограничение прав граждан при проведении контртеррористических операций / М. К. Кумышева // Пробелы в российском законодательстве. — 2018. — № 2.
5. Тарасов, А. В. Ограничение конституционных прав и свобод человека в условиях особых правовых режимов в Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук / А. В. Тарасов. — Санкт-Петербург, 2006.
6. Романовский, В. Г. Противодействие терроризму в воздушном пространстве в России и Германии: сравнительно-правовой аспект / В. Г. Романовский // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2020. — № 2. — С. 78—82.
7. Романовская, О. В. Ограничения права на жизнь при пресечении террористических актов в воздушной среде / О. В. Романовская // Экономика, педагогика и право. — 2017. — № 3.
8. Исаева, В. Ю. Организационно-правовые формы легального лишения права человека на жизнь / В. Ю. Исаева // Современное право. 2007. № 2 // СПС КонсультантПлюс.
9. Зорькин, В. Д. Спецслужбы, полиция и права человека / В. Д. Зорькин // Россия в глобальной политике. — 2006. — № 6.
10. Bigo, D. The Changing Landscape of European Liberty and Security: Mid-Term Report on the Results of the CHALLENGE Project / D. Bigo [and all] // CHALLENGE Paper. — 2007. — No 4. — Febr. — P. 3—14.
11. Posner Richard A. Not a Suicide Pact: The Constitution in a Time of National Emergency (Inalienable Rights) / A. Posner Richard. — Oxford University Press, 2006.
12. Романовский, В. Г. Конституционные ограничения прав человека в целях противодействия терроризму в России и за рубежом : дис. … канд. юрид. наук / В. Г. Романовский. — Казань, 2019.

13. Малиновская, В. М. Правомерное ограничение конституционных нрав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук / М. М. Малиновская. — Москва, 2007.
14. Смирнов, А. А. Ограничение прав и свобод человека и гражданина Российской Федерации при обеспечении обороны страны и безопасности государства : дис. … канд. юрид. наук / А. А. Смирнов. — Москва, 2007.
15. Беломестных, Л. Л. Ограничение прав и свобод человека и гражданина (теоретический аспект) : дис. … канд. юрид. наук / Л. Л. Беломестных. — Москва, 2003.
16. Нардина, О. В. Обеспечение права на жизнь заложников при пресечении действий террористов / О. В. Нардина // Известия Саратовского ун-та. Серия «Экономика. Управление. Право». — 2020. — Том 20. — Выпуск 1. — С. 75—80.
17. Дмитриев, Ю. А. Конституция РФ : доктринальный комментарий (постатейный) / Ю. А. Дмитриев. — Москва : Деловой двор, 2013.
18. Рудьман, Д. С. Особенности правового статуса граждан в условиях правового режима контртеррористической операции: теоретические аспекты / Д. С. Рудьман // Актуальные проблемы российского права. — 2009. — № 1. — С. 109—116.
19. Чиркин, В. Е. К вопросу о точности конституционной терминологии / В. Е. Чиркин // Журнал российского права. — 2011. — № 2.
20. Ирошников, Д. В. Безопасность как правовая категория : дис. … д-ра юрид. наук / Д. В. Ирошников. — Москва, 2021.

References

1. Khabriyeva, T. YA. Sovremennyy vzglyad na teoriyu ogranicheniya prav i svobod cheloveka (retsenziya na monografiyu S. V. Pchelintseva «Problemy ogranicheniya prav i svobod grazhdan v usloviyakh osobykh pravovykh rezhimov») [Modern view on the theory of restriction of human rights and freedoms (review of the monograph by S. V. Pchelintsev “Problems of restricting the rights and freedoms of citizens in conditions of special legal regimes”)] / T. YA. Khabriyeva, Ye. Ye. Nikitina // Zhurnal rossiyskoy prava. — 2006. — № 8.
2. Rushaylo, V. B. Administrativno-pravovoy rezhim osobogo polozheniya: ponyatiye i sushchnost' [Administrative and legal regime of a special situation: concept and essence] / V. B. Rushaylo // Sovremennoye pravo. — 2004. — № 1.
3. Strokov, S. A. Osobennosti pravovogo rezhima kontrterroristicheskoy operatsii [Features of the legal regime of the counter-terrorist operation] / S. A. Strokov, V. M. Shenshin // Pravo v Vooruzhennykh Silakh. — 2018. — № 1 // SPS Konsul'tantPlyus.
4. Kumysheva, M. K. Ogranicheniye prav grazhdan pri provedenii kontrterroristicheskikh operatsiy [Restriction of the rights of citizens during counter-terrorism operations] / M. K. Kumysheva // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. — 2018. — № 2.
5. Tarasov, A. V. Ogranicheniye konstitutsionnykh prav i svobod cheloveka v usloviyakh osobykh pravovykh rezhimov v Rossiyskoy Federatsii [Restriction of constitutional rights and human freedoms under special legal regimes in the Russian Federation]: dis. … kand. yurid. nauk / A. V. Tarasov. — Sankt-Peterburg, 2006.
6. Romanovskiy, V. G. Protivodeystviye terrorizmu v vozdushnom prostranstve v Rossii i Germanii: sravnitel'no-pravovoy aspekt [Countering terrorism in the airspace in Russia and Germany: comparative legal aspect] / V. G. Romanovskiy // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. — 2020. — № 2. — S. 78—82.

7. Romanovskaya, O. V. Ogranicheniya prava na zhizn' pri presechenii terroristicheskikh aktov v vozdushnoy srede [Restrictions on the right to life when suppressing terrorist acts in the air] / O. V. Romanovskaya // Ekonomika, pedagogika i pravo. — 2017. — № 3.
8. Isayeva, V. YU. Organizatsionno-pravovyye formy legal'nogo lisheniya prava cheloveka na zhizn' [Organizational and legal forms of legal deprivation of a person's right to life] / V. YU. Isayeva // Sovremennoye pravo. 2007. № 2 // SPS Konsul'tantPlyus.
9. Zor'kin, V. D. Spetssluzhby, politsiya i prava cheloveka [Special services, police, and human rights] / V. D. Zor'kin // Rossiya v global'noy politike. — 2006. — № 6.
10. Bigo, D. The Changing Landscape of European Liberty and Security: Mid-Term Report on the Results of the CHALLENGE Project [The Changing Landscape of European Liberty and Security: Mid-Term Report on the Results of the CHALLENGE Project] / D. Bigo [and all] // CHALLENGE Paper. — 2007. — No 4. — Febr. — P. 3—14.
11. Posner Richard A. Not a Suicide Pact: The Constitution in a Time of National Emergency (Inalienable Rights) / A. Posner Richard. — Oxford University Press, 2006.
12. Romanovskiy, V. G. Konstitutsionnyye ogranicheniya prav cheloveka v tselyakh protivodeystviya terrorizmu v Rossii i za rubezhom [Constitutional restrictions on human rights in order to counter terrorism in Russia and abroad]: dis. … kand. yurid. nauk / V. G. Romanovskiy. — Kazan', 2019.
13. Malinovskaya, V. M. Pravomernoye ogranicheniye konstitutsionnykh nrav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossiyskoy Federatsii [Lawful restriction of constitutional morals and freedoms of man and citizen in the Russian Federation]: dis. … kand. yurid. nauk / M. M. Malinovskaya. — Moskva, 2007.
14. Smirnov, A. A. Ogranicheniye prav i svobod cheloveka i grazhdanina Rossiyskoy Federatsii pri obespechenii oborony strany i bezopasnosti gosudarstva [Restriction of the rights and freedoms of man and citizen of the Russian Federation while ensuring the defense of the country and the security of the state]: dis. … kand. yurid. nauk / A. A. Smirnov. — Moskva, 2007.
15. Belomestnykh, L. L. Ogranicheniye prav i svobod cheloveka i grazhdanina (teoreticheskiy aspekt) [Restriction of the rights and freedoms of man and citizen (theoretical aspect)]: dis. … kand. yurid. nauk / L. L. Belomestnykh. — Moskva, 2003.
16. Nardina, O. V. Obespecheniye prava na zhizn' zalozhnikov pri presechenii deystviy terroristov [Ensuring the right to life of hostages when suppressing the actions of terrorists] / O. V. Nardina // Izvestiya Saratovskogo un-ta. Seriya «Ekonomika. Upravleniye. Pravo». — 2020. — Tom 20. — Vypusk 1. — S. 75—80.
17. Dmitriyev, YU. A. Konstitutsiya RF : doktrinal'nyy kommentariy (postateynyy) [Constitution of the Russian Federation: doctrinal commentary (article-by-article)] / Yu. A. Dmitriyev. — Moskva : Delovoy dvor, 2013.
18. Rud'man, D. S. Osobennosti pravovogo statusa grazhdan v usloviyakh pravovogo rezhima kontrterroristicheskoy operatsii: teoreticheskiye aspekty [Features of the legal status of citizens in the conditions of the legal regime of the counter-terrorist operation: theoretical aspects] / D. S. Rud'man // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava. — 2009. — № 1. — S. 109—116.
19. Chirkin, V. Ye. K voprosu o tochnosti konstitutsionnoy terminologii [On the issue of the accuracy of constitutional terminology] / V. Ye. Chirkin // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2011. — № 2.
20. Iroshnikov, D. V. Bezopasnost' kak pravovaya kategoriya [Security as a legal category]: dis. … d-ra yurid. nauk / D. V. Iroshnikov. — Moskva, 2021.